

Мариэтта Чудакова

ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОЙ В БЕЛОМ

Серия "Дела и ужасы Жени Осинкиной"

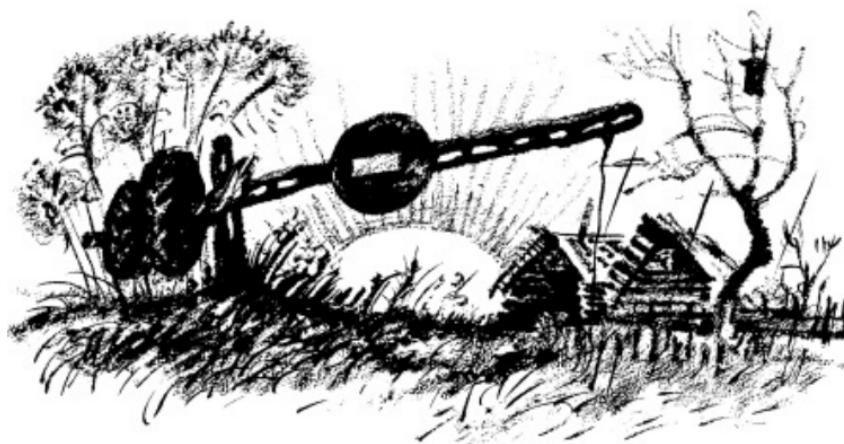
«Портрет неизвестной в белом» — вторая книга остроюжетной эпопеи о приключениях Жени Осинкиной и ее друзей. Автор книги — Мариэтта Омаровна Чудакова, знаменитый историк и исследователь литературы — любит и бережет своих героев, но вынуждена отправлять их на все более опасные дела. Она знает, что добро может победить зло и обязательно победит его — но при одном условии: герои должны совершать смелые и честные поступки, они должны бороться со злом, за них никто этого не сделает. На сей раз новому герою Пете, Тому Мэрфи, Денису-Скину и всем, кто им помогает, приходится вступить в смертельную схватку с сибирскими наркобаронами...

**Евгении Астафьевой
с любовью, верой и надеждой**

Портрет неизвестной в белом

ГЛАВА 1

ЗАРЖАВЛЕННЫЙ ШЛАГБАУМ

Въезд в Омск произошел отнюдь не на рассвете и совсем не так, как предполагалось.

Потом, когда Саня и Леша проводили разбор полетов, они пришли к выводу, что все началось с этого моста через Ишим, ремонтируемой дороги и объезда, в который послали их гаишники (или, как теперь следовало говорить, хотя это глупо и язык сломаешь, гибэдэшники).

Коротко говоря, часа в два с небольшим ночи, то есть в самую, хоть и недолгую, летнюю темень, вместо того чтобы выбраться на федеральную трассу и двигаться по ней к Омску, путешественники оказались на узком проселке, петлявшем в немыслимой глухомани.

Попетляв минут двадцать, они вдруг почти уперлись в опущенный шлагбаум. С двух сторон от него виднелись ряды колючей проволоки.

— Это чего, Калуга? — ошарашенно спросил Саня. — Мы куда запоролись-то?

Леша, пригнувшись к рулю, всматривался в сто лет не красленный металлический шлагбаум. И увидел то, чего ожидал, — высунулось дуло. И вслед за ним раздался голос — надо сказать, не очень уверенный, а скорее даже растерянный, — во всяком случае, не такой, какой подобает часовому:

— Стой, кто идет?

— Тут что, воинская часть, что ли? — спросил Саня Лешу и сам ответил: — Не-а. Не похоже.

Слегка развернувшись, Леша осветил фарами большой стенд слева от шлагбаума.

На нем они увидели следующее: ярко-красными буквами была выведена отнюдь не выцветшая, а явно заботливо подновляемая надпись: «Совхоз "Победа социализма"», ниже — портрет Леонида Ильича Брежнева с молодыми густыми бровями, им обоим, в отличие от их пассажиров, до боли знакомый. Еще ниже — плакат: «Слава доблестным советским воинам-интернационалистам, сражающимся за свободу и независимость Афганистана! Смерть американским захватчикам!».

А к нижней рейке прикреплен разворот свежей газеты, по формату — бывшей, советского времени, заводской малотиражки.

Бросался в глаза крупный заголовок — «Правда».

— Ну все, Калуга, концы — у меня крыша едет, — пробормотал Саня и прибавил шепотом несколько неразборчивых слов.

— Стой, стрелять буду! — крикнул голос, обретя некоторую уверенность.

Леша высунулся слегка из окна и сказал миролюбиво:

— Погоди стрелять, братишка, у нас дети в машине. Ты лучше покажись нам и объясни — куда мы попали-то? Мы вообще-то в Омск едем.

Вдруг он ловко выскочил из машины и пошел прямо к стенду.

— Газетку хочу почитать, — объяснил он голосу, оторопевшему Сане и темному лесу, обступавшему их. И начал читать вслух: — «Продолжаются жестокие бои советских воинов-интернационалистов, сражающихся за освобождение Афганистана...»

— Чего? — крикнул Саня. — Какие бои в Афгане! Калуга, ты чего?!

— Санек, гляди, наши, оказывается, еще Пандшерское ущелье берут!

— Ты че, Леха, — жалобно сказал Саня, видя, что друг на глазах повредился в уме. — Мы еще при Горбачеве оттуда ушли...

— Выходит, не ушли! — хохотнул Леша, не отрываясь от газеты. — Вон и Брежнев жив-здоров, его с 96-летием трудающиеся поздравляют. А газетка-то, между прочим, сегодняшняя.

Почитав еще минут пять про себя, он резко повернулся к шлагбауму, где, невидимый Сане, замер обладатель голоса.

— Выходи, сержант, поздоровайся с однополчанами! Заодно расскажешь, что у вас тут творится, что ты такое охраняешь.

И невысокий мужчина в камуфляже, того же примерно возраста, что Саня и Леша, выступил из тени, понурив голову.

Тут выскочил из машины и Саня, успев сказать пассажирам, что они до его команды оставались на месте:

— Человек с ружьем, понятно? Мы с Лехой сначала разберемся.

Трое «афганцев» молча обменялись рукопожатиями.

— Курить будешь, браток? — коротко спросил Леша часового, доставая сигареты.

— Обкурился уже... — невнятно пробормотал тот, явно еще не придя в себя. Он узнал обоих однополчан. Помнил их с тех давних лет не только в лицо, но и по имени.

Саня и Леша молча закурили. Взял сигарету и часовой, прикурив от любимой Лешиной зажигалки в виде пингвина.

Женя — как, впрочем, и Том, — не отрывала глаз от всех троих. Прошло, по ее наблюдениям, не меньше полутора минут в молчании. (У Жени в голове всегда отстукивал время невидимый секундомер — часов она не носила, довольствуясь будильником, противно верещавшим по утрам).

Когда Леха и часовой докурили и почти одновременно бросили окурки, первым снова заговорил Саня.

— Мать-то твоя жива, сержант?

— Пять лет как умерла, — выдавил из себя часовой.

— А чего? Не старая ж была, наверно?

— Болела...

— Семей-то обзавелся?

— Нет.

— А кто у тебя есть?

— Сестра только...

Докурил сигарету и Саня, затушил желтыми от этого самого многолетнего тушения пальцами окурок, швырнул и тщательно втер в землю своей огромной кроссовкой.

— Ну ладно, — сказал он решительно. — Открывай шлагбаум. Сами увидим, что тут у вас.

И Леша с Саней, резко, как по команде, повернувшись, пошли к машине.

Двигаясь как во сне, часовой пошел открывать. Заржавленный шлагбаум со скрипом поднялся, и «Волга» медленно въехала под него.

ГЛАВА 2

КАК ПОБЕДИЛ СОЦИАЛИЗМ

Уже слегка светало, и неверный предутренний свет давал рассмотреть уличку с покосившимися домишками. Ехали медленно, хрустя по гравию.

Скрипнула калитка, висевшая на одном гвозде, и показалась маленькая старушка с пустым ведерком.

— Ой, матушки!.. — и она выпялилась на машину так, будто жила в дебрях Амазонки и четырехколесное чудовище увидела впервые.

Но тут же память поколений взяла верх над испугом, и старушка залопотала:

— Ох, уж не серчайте, что с пустым-то вам навстречу!..

Том, всегда проявлявший интерес, как было уже отмечено, к языку, принял во внимание необычное для городских жителей, но чем-то очень симпатичное ударение на первом слоге — «с пустым».

— Ничего, мамаша, мы не пугливые, — отозвался Леша. — Доброе утро!

— Доброго утречка вам! — и старушка торопливо закланялась в пояс.

Саня и Леша вышли из машины к ней навстречу. А бывший сержант одного из четырех полков 103-й десантной дивизии 40-й армии — того самого, в котором полтора года провоевали в Афганистане и Саня с Лешей, — следовавший за машиной, механически переставляя ноги, теперь застыл как истукан.

— Что, мамаша, не спится? — спросил Леша.

— А я позже четырех никогда не встаю, — хвастливо ответствовала старушка. — Кто рано встает, тому Бог подает.

— Как вы поживаете-то тут, мамаша? — осторожно начал расспросы Саня. Леша в это время взглядом разведчика озирал местность.

А Женя и Том молча во все глаза смотрели в окно машины, не решаясь покинуть ее без приказа. Мячик же продолжал сладко спать, уткнувшись носом в щель между спинкой сиденья и правой дверцей.

— Хорошо поживаю, сыночки, лучше и взыскивать не надо!

— А что хорошего-то? — еще более осторожно, чтобы не спугнуть ценного информанта, продолжил Саня.

— А все! Все-все у нас хорошо! А все Леонид наш Ильич, дай Бог ему ждоровья! — умильно прошамкала она, и Саню, побывавшего в разных переделках и неспособного, кажется, ничем смутиться, прошиб холодный пот.

— Кому, мать, здоровья? — весело осведомился Леша, оказавшийся более прочным на излом.

— Дак Брежневу, родному нашему, кому же ишшо? Девяносто шесть годков отметили! — похвасталась она. —

Живем при нем как у Христа за пазушкой, — надо бы лучше, да некуда!..

Саня повернулся к заднему окну машины.

— Жень, водичка есть там у тебя?.. — охрипшим голосом спросил он.

Женя испуганно протянула ему бутылку. Она не все понимала, но чувствовала, что происходит что-то странное. Брежnev — это имя явно было из истории, вроде одного из первых русских авиаторов Уточкина.

Саня, булькая, выхлебал полбутылки и обратился к бабусе почти свежим голосом:

— Какой же Брежнев, мамаша, — он ведь умер давно?..

— Что ты, что ты, сынок, окстись! — старушка перекрестила Саню широким крестом. — Что ж ты, газет, что ли, не читаешь? А может, ты, сынок, из заключения? Там, говорят, ничего не сообщают, что на воле-то деется...

— Нет, мать, — продолжая веселиться, ответил за него Леша. — Он с воли.

— Ну дак знать должен. Это ж все вороги наши придумали.

— Так похороны-то по телевизору показывали. Я сам видел. Еще гроб-то не удержали, стукнули одним углом!..

— Дак это ж не его, — старушка взмахнула на них обеими руками, как на несмысленышей, болтающих невесть что, —

подмененного хоронили! Дерьмократы ж придумали!

— Чего-чего? — тут и Леша стал потихоньку терять равновесие.

— Ну враги-то народа! Что ж вы, неученые, что ли? Сталин-то истреблял их, истреблял, да не всех успел — самого его, родимого нашего, супостаты извели. Ну вот...

Старушка явно входила во вкус, напоминая уже сказительницу. Такую привозили однажды в Лешину школу. В темном сарафане и подпояске, она, подпервшись рукой, так здорово рассказывала сказки, что ей кричали: «Еще! Еще!» — и никак не хотели отпускать.

— Секретарь-то поселкома все нам рассказал. Да и в газетах описывают как есть, вы ж жнать должны, — опять упрекнула собеседница.

— Да у нас газеты, наверно, другие. Расскажите нам, мамаша, — попросил Леша.

— Каки-таки другие? У нас газеты одни — совецкие! По всему Совецкому Союзу одно пишут! Одна газета — «Правда»! Рази кому позволят свою неправду писать? За это ж посодют сразу! Сра-азу! — с видимым удовольствием протянула старушка.

— Ну, расскажи, мать, про Брежнева-то! — подключился Саня.

— Чего с ним дерьмократы-то ваши сделали? — весело подхватил Леша.

— Каки-таки — «наши»? Таки ж наши, как ваши!.. Вот подхватили они яво, голубчика, под белы рученьки...

— У-у-у, — завыл Саня, давясь. Он живо представил себе белы рученьки генерального секретаря компартии.

— ...и запрятали от народа. И объявили народу, что — умер, мол. А вместо яво в гроб уложили настоящего покойника...

— А как же, мамаша, политбюро-то промолчало? И на мавзолее стояли, и гроб несли под стену...

— Дык не знали! А кто знал — того подкупили!

— А кто подкупал-то?

— Дык дерьмократы, говорено ж вам!

— Кого подкупили — политбюро?

Старушка несколько опешила. Верховный орган партии, под которой прошла жизнь, подкупленным в ее сознание как-то не вписывался.

— Ково надо было, того и подкупили! — сказала она сварливо.

— А потом-то что было?

— Потом, — снова сладко заулыбалась говорливая собеседница, — потом сумел Леонид Ильич выйтить из своего полона, дермократов всех разогнал, Горбачева, — ну, кто задумал-то все это! — под расстрел подвел... И снова власть взял — на благо, значит, народа.

Стало понятно, что Андропов и Черненко, каждый понемножку поцарствовавшие в промежутке между Брежневым и Горбачевым, выпали в осадок старушкиного курса новейшей истории России.

— И не жалко было? — спросил Леша, давно вошедший во вкус разговора.

— Кого?

— Да Горбачева-то. У него ж жена была любимая, дочка, внучки... А расстреливают-то когда — это ж, мать, живой человек превращается в холодный труп. И учи — насовсем. Это тебе не на учениях.

— Его жалеть? Супостата окаянного? Да я б его, кабы силы, своими руками разорвала!

— А Ельцина — тоже? — весело спросил Леша.

— Какого еще Ельцина?

Прояснилось, что старушкины часы встали до 1990 — 1991 годов. Это уже становилось интересным.

— А за что ты, мать, разорвать-то его хотела? — поинтересовался Саня.

— Так все у нас отнять вздумал было!

— Что — все-то?

— Да все! Фабрики, заводы... И энти... недра!

— Мать, — не выдержал Леша, пока теперь уже Саня крутил головой и хохотал, — а у тебя что было-то?

— Чего? — не поняла старушка.

— Ну что у тебя-то лично Горбачев отымал? Ты чем владела-то? Фабрикой какой? Кондитерской, что ли?

— Чего — фабрикой?.. Что я — фабрикантша, что ли?

— Так он у тебя вот эту твою развалюху, что ли, отнять хотел? А она кому нужна-то?

Старушка стояла, вытаращив глаза, явно сбитая с толку.

Саня потянул увлекшегося Лешу за рукав.

— Да ладно тебе, Калуга... Ты лучше у коммунистов наших, мужиков молодых, спроси про фабрики. Чего ты к бабушке пристал? Расскажите лучше, мамаша, как вы сейчас-то живете?

— Дак говорила ж вам, — снова вошла старушка в распевный сказительский ритм, — живем — лучше не надо. Картошечка своя, морковка своя, соль и спички в лавке всегда есть. Вот — пальтишечко по ордеру мне выдали — двенадцать годков уже ношу. Сносу нет! — старуха выставила обтерханный край рукава. — Только бы войны не было!

Саня взял Лешу за плечо и повел по улице дальше. Но Леша успел все же крикнуть:

— С кем войны-то, мать?

— Как с кем? — удивилась старушка. — С мериканцами, с кем же еще-то? Только и думают, как нас уничтожить!

— Да мы сами себя лучше всех уничтожим, — уже себе под нос пробормотал Леша, удаляясь от словоохотливой собеседницы скорыми шагами.

— А мы? — жалобно крикнула из машины Женя. — Нам выйти можно?

— Вам? — переспросил Саня и повернулся к часовому, давно покинувшему свой пост. — Ты как, служивый, в себе? Ну-ка дай мне от греха Калашникова.

Саня ловко выхватил у однополчанина, так и не проронившего за время этой содержательной беседы ни слова, автомат, вмиг проделал что нужно, вернул часовому уже в безопасном виде и обернулся к машине.

— Теперь, Женя, выходи! И ты, Том! Только за нами идите, без нас — никуда. Я тут еще не разобрался, на этой местности.

Женя и Том в мгновенье ока выкатились из машины и пристроились за водителями. Сплоченная группа интуристов начала медленный путь по поселку.

ГЛАВА 3

ЦВЕТОЧКИ

Уже заметно светало, в листве деревьев, стеной обступавших поселок, слышался шорох, возня, неясное воркование — просыпались птицы. Пробирал утренний холодок.

Из соседнего со старушкиным дома, такой же развалюхи, выбежал босиком мальчик лет восьми с льняными, до белизны выгоревшими за лето, спутанными со сна волосами — видно, по неотложному маленькому делу. Завида чужих, он так и застыл, ухватясь рукой за резинку трусов.

— Чего встал, генерал? — крикнул Леша. — Давай-давай, делай свое дело — да не тут, за домом! — и выходи к нам, разговор есть.

Мальчик резво забежал за дом и быстро вернулся. Но близко к калитке не подошел, смотрел испуганно.

— Вы оттуда? — спросил он наконец и неопределенно махнул рукой в сторону дороги. — А как вас пропустили-то — без комбинезонов?

— Каких еще комбинезонов?

— Ну... засситных...

— От чего защищаться-то, генерал? — серьезно спросил Леша, вглядываясь в мальчика.

— Да там жа спидом все заражено!

— Где — там?

— Дак везде! Только Москву засси... защи... засситили... Там чисто... Потому выходить отседа никуда нельзя. В Москву только можно — на самолете...

Он вздохнул. И слушавшим его стало ясно, что вздыхает мальчик о своей давней и несбыточной мечте — билете на самолет в Москву.

Том отметил про себя, что мальчик, как и старушка, говорил «дак» (она, правда, еще говорила «дык») вместо «так». Еще ему почему-то понравилось, как мальчишка сказал «заражоно» вместо «заражено». В смысл же сказанного Том вдуматься еще не успел.

— Так, — сказал Леша и посмотрел на часового. У того лицо давно приобрело окаменелый вид — точь-в-точь как у тех, кто стоит на посту у Могилы Неизвестного солдата.

— Ой! — вскрикнула вдруг Женя, впервые за все время подавшая голос. — Цветочки какие красивые!

И показала рукой — за огородами мальчикова домишко виднелось алое поле.

— Так, — повторил Леша, глянув на поле, — почему-то уже грозным тоном. — Веди, служивый, показывай цветочки.

Часовой двинулся вперед, по-прежнему, как робот, переставляя негнущиеся ноги, и все потянулись за ним. Мальчик, забыв про СПИД, вышел за калитку к пришельцам и пошел за ними босыми ногами, завороженно таращась то на одного, то на другого.

Пришельцам было еще невдомек, что он впервые в жизни увидел не местных.

Вскоре их взгляду открылось большое маковое поле. Покачивая крупными головками, маки нежно алели сплошным ковром. Однако, приглядевшись, легко было различить рядки.

Мак не был дикорастущим. Кто-то посадил его правильными рядами, полол и поливал.

Леша шагнул к ближайшему рядку и увидел то, что ожидал. Стебли были надрезаны, по ним стекал белый сок.

ГЛАВА 4

ЯГОДКИ

Медленно, как в кино, Леша повернулся всем телом к часовому и заговорил очень тихим голосом. Но почему-то от звука его голоса у него в чем не повинного и не робкого Тома душа ушла куда-то в пятки. И ему вдруг захотелось в тот же миг убежать и спрятаться подальше.

— И кто же тут сбытом наркоты занимается? Ты, что ли?

— Не я, — впервые за долгое время заговорил часовий. И голос его странно выдавливался из горла, будто часового душил кто-то во время разговора. — Не я, а сам...

Голос осип и совсем пропал.

— И где этот *сам*? — грозно, уже возвысив голос, спросил Леша.

Женя, ничего совершенно не понимая, переводила взгляд с одного на другого. Саня же весь подобрался, и показалось на миг, что на плече его повис невидимый Калашников.

— Скоро подъехать должен из города...

— Когда — скоро?

— Через сорок минут подъедет точно.

— Охрана у него большая? — отрывисто продолжал допрос Леша.

— Не-а. Один только. Но... как сказать? Многих стоит.

— Чего? Ты толком говори! — Леша повысил голос.

— Здесь тебе тоже не учащиеся музыкальной школы собрались, — ввернул свое слово Саня. — Ты, сержант, нас не пугай, а то у меня уже штаны... — тут Саня взглянул на Женю и осекся. — Кто такой, охранник-то этот гребаный?

Саня опять покосился на Женю, но посчитал, что слово он выбрал цензурное (хотя охранник заслуживал совсем другого), и этого достаточно.

— Чего пугать, — бормотал часовий, а сам был бледен и затравленно озирался. — Уходить вам надо, братцы, вот что. И вас, и меня положат. Отморозок он... Два раза сидел. Говорят, в 95-м под вышку шел — она еще была тогда, — да другого подставил. К нам сюда недавно пришел. Хвастался, что зимой девушку какую-то убил — по заказу, за большие деньги. Где-то под Курганом, что ли.

Тут Женя широко открыла свои круглые глаза, а Том рот приоткрыл от внимания.

— А хозяин, — продолжал часовий, с трудом ворочая будто присыхающим к гортани языком, — тоже не хуже.

Ему сам черт не брат... И в городе у него все схвачено. Он такими объемами наркоты ворочает, что его никто не тронет — ни милиция, ни прокурор. Он всех прикормил, весь город. Ничего с ним никто не сделает. Говорю — уходить вам надо. Вон дети с вами, — он кивнул на вылезшего из машины и протирающего глаза Мячика, который после непомерно долгого сна вообще мог сойти за дошкольника, — они и их не пожалеют...

— А что, сержант, — сухово заговорил Леша, — ты им поможешь, что ли, однополчан кончать?

— Да что — «поможешь»! — выкрикнул вдруг часовой. — У нас с вами один Калашников на троих!

— «У нас с вами» — это другой разговор, — удовлетворенно подытожил Леша. — А у них что — много оружия с собой?

— Ну наркоту же возят — сами понимаете! — неизвестно почему оживившись и даже размахивая руками, повествовал часовой. — Два Калашникова у них с собой и Макаровых штуки три. И боекомплектов полмашины.

— А какая машина-то?

— Джип бронированный — как у инкассаторов. «Форд».

— За рулем у них кто?

— Сам же и за рулем. Никому не доверяет. А этот справа сидит...

— Как его зовут-то, который справа?

— Имя-фамилию не знаю, а так — Харон.

— Харон? — удивился Саня. — Что это за кликуха такая? Никогда не слышал. На блатную не похожа.

— Оружие на коленях? — отрывисто осведомился Леша.

— Ну да. Калаш всегда при нем. На въезде-то он его в ноги кладет, тут они опасности не ждут никакой — старики, женщины да дети... Три парня были, начали рыпаться, так Харон их в лес увел — и с концами...

— Как это — увел? А чего они пошли-то — их же трое, говоришь, было?

— Так по одному уводил, — неохотно ответил Часовой.

— Понятно... Другие думали — их не тронет, верно?

— Верно... У двоих дети были. За детей боялись.

— А где дети-то их?

— Здесь и живут.

— Так что они тут — рабство, что ли, ввели?

— Можно и так назвать...

— И сколько ж здесь рабов этих проживает?

— Да человек сорок. И детей штук десять. Не учатся — только на грядках. И всем еще велят мак жевать. Они и ходят вполпьяна, только лыбятся. Собирают сок этот, тут же и обрабатывают... Хозяин с Хароном в город наркоту везут, а из города — продукты, одежду... Ну, паству зубную, мыло стиральное...

— Жвачку?.. — добавил почему-то Саня.

— Не, это не привозят. Только то, что при советской власти было... Ребята тутошние и не знают про жвачку-то...

Женя и Том уже оба стояли с приоткрытым ртом, как на иллюстрациях в книжке для малышей.

А Мячик в этот разговор не встревал и даже скорей всего его не слышал, потому что тем временем нашел общий язык с мальчишкой. У того не сходил с физиономии жгучий интерес к невиданным гостям. Но Мячика он особо выделил, потащил обратно к своему дому, вынес к калитке крынку парного молока утренней дойки, и теперь тот пил, запрокинув голову и явно наслаждаясь. Городского «нормализованного» молока Мячик не признавал: считал его *обратом* — тем полностью обезжиренным молоком из-под сепаратора, которым поят телят.

— Так что — тут никто не знает, что ли, что советская власть лет десять как спеклась? Или только старушка эта чумная? — спросил Леша.

— А откуда? Телевизоры они все поразбивали, приемники отняли. Про мобильники тут и не слышал никто...

— А газетку-то эту кто выпускает? Что Брежнев жив-здоров и в Афгане с американцами воюем?

— В городе журналюги нашлись. Он им платит как следует, они и пишут чего ему надо. Дома у одного и делают — теперь ведь типографии не нужны, на компьютере все сделать можно, — проявил часовoyе понимание новой реальности. — Газета в одном экземпляре выходит — больше-то ему не надо, только на стенд повесить.

Все трое помолчали. Леша с Саней переваривали информацию.

— А как хозяина-то зовут? Фамилия есть у него?

— Есть, наверно. Только я не знаю. Ни к чему мне. Хозяин и Хозяин. Он у них секретарем поселкома считается. А раньше секретарем райкома здесь был. Коммунишка.

— А с каких пор тут связь-то с внешним миром порвали?

— Да с 1988-го или 1989-го... Про Ельцина уже не слышали. Знают только, что дерымократы все хотели у народа отнять, а Брежnev не дал...

— И ты эту дурь с оружием в руках поддерживаешь? — Саня взглянул на бывшего однополчанина с нескрываемым отвращением.

— У меня на то причина есть, — с неожиданной твердостью ответил часовой.

— Ну что, Калуга? — спросил Саня. — Брать будем?

— Другой вариант не просматривается, — медленно и задумчиво произнес Леша.

— Вы что, мужики? Положат они вас, — жалобно сказал часовой. — Уезжайте, говорю. Мне и так плохо придется — след-то вы оставили... Уезжайте! Они в Англию наркоту посылают. Тут такие деньги крутятся — они за них глотку вырвут.

— Ничего, у нас глотки крепкие, — хохотнул Саня. — Небось не вырвут.

— Вперед мы у них когти вырвем, — так же медленно сказал Леша. — И вместе с лапками. Ты вот что, сержант, — ты все-таки введи нас в курс дела напоследок, перед боем...

При этих словах часовой вздрогнул, будто его ударило током, а у Тома сладко защемило в груди, тем более что смысл *кликухи* Харон — перевозчик мертвых — образованный Том, в отличие от Сани, Леши и часовского, хорошо понял.

— Что у тебя за причина? Ты ж боец был стоющий, — (Том механически отметил это Лешино отчетливое *стоющий*, через *ю*), — мы с Саней тебя помним. Почему с такой мразью связался? Что тебя сюда кинуло-то?

— А то, мужики, — болезненно морщась, заговорил часовой, — что у меня сестра на руках — церебральный паралич с рождения. Руки-ноги, считай, не действуют. Родители умерли. Куда я с ней? А он ее в больницу хорошую поместил, в санаторий министерства обороны Украины в Евпаторию каждый год посыпает — это с условием, чтоб я у него работал и язык за зубами держал.

Часовой помолчал.

— А когда я на первых еще порах рыпнулся, хотел вырваться от них — сказал, что меня не тронет, а ее — прикончит. Понятно? Ему это — семечки. А Харону — тем более.

Теперь молчали его однополчане.

— Причина серьезная, — сказал наконец Саня. — Но это дело порешать можно. Правда, Калуга?

Леша мотнул головой утвердительно.

— Как вы его порешаете? — вздохнул часовой.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.